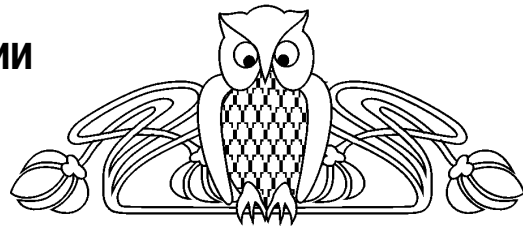

УДК 811.411.21'37

ИДИОМАТИКА КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (на материале арабских фразеологизмов с компонентом «головной убор»)

К. Х. Наджим

Саратовский государственный университет
E-mail: kasim_hammad@yahoo.com

В статье анализируются арабские фразеологизмы, включающие в свой состав номинации головных уборов. Устанавливаются состав и семантика членов данной группы. Выявляется роль этих фразеологизмов в репрезентации языковой картины мира арабского этноса.

Ключевые слова: идиоматика, внутренняя форма и семантика фразеологизма, языковая картина мира, арабский язык.

The Idiom as a Way of Representing the Linguistic Picture of the World (on the Material of the Arab Phraseological Units with the Component «Hat»)

К. Ch. Najim

The article analyzes Arabic idioms with the nominations of headwear. The structure and semantics of the members of this group are identified. The role of these idioms in representing the linguistic picture of the world of Arab ethnicity is determined.

Key words: idiom, internal form and semantics of a phraseological unit, linguistic picture of the world, the Arabic language.

DOI: 10.18500/1817-7115-2015-15-3-38-42

Одной из актуальных проблем современной антропологической лингвистики является изучение способов формирования и репрезентации языковой картины мира (далее – ЯКМ) различных этносов. По мнению большинства исследователя, особую роль в решении данной задачи играет фразеология (идиоматика) в широком ее понимании, включающая в объект исследования все виды устойчивых, воспроизводимых сверхсловных единиц – независимо от характера и степени семантической спаянности составляющих такие синтагмы компонентов¹.

Значимость фразеологического корпуса языка для экспликации ЯКМ определяется тем, что «ФЕ, с одной стороны, вбирают и фиксируют в своих значениях обобщенный опыт когнитивного освоения действительности, а с другой – подвергают его “давлению системы” языка, вводя соответствующие знаки в уже сложившиеся языковые отношения»².

В частности, одним из способов представления ЯКМ становится внутренняя форма фразеологических единиц (далее – ФЕ), поскольку она часто содержит «символ, который формируется под влиянием истории и культуры и часто ощущается носителями языка»³. С этой точки

зрения представляется теоретически значимым рассмотреть арабские ФЕ, включающие в свой состав членов лексико-семантической группы (далее – ЛСГ) «Головные уборы», поскольку состав и семантика данной части лексической системы непосредственно связана с географическими и культурно-историческими факторами, особенностями жизни любого этноса.

По данным толковых и фразеологических словарей⁴, в арабском литературном языке фиксируется 72 таких ФЕ, причем регулярность использования разных членов ЛСГ в составе соответствующей фразеосемантической группы (далее – ФСГ) далеко не одинакова.

Так, исследуемый фразеологический корпус ориентирован на использование наименований традиционной одежды арабского этноса.

Зафиксированы только две ФЕ, включающие в свой состав номинации головных уборов, заимствованных из Европы. Это светский мужской головной убор шляпа (ср.: قَطِيْرِبَلَا سَبَل ‘Надеть шляпу’), а также часть форменной одежды военнослужащего десантных войск (ср.: فَرَانْدَسْ ‘берет десантника; фуражка военнослужащего’). В последнем случае в семантической структуре лексемы нет гендерного компонента, поскольку во многих арабских государствах служба в армии является обязательной как для мужчин, так и для женщин. Но в соответствующей паремии такая маркированность есть. Например: وِبْ اِي وِلْحْ اِي – ‘Красив хозяин фуражки; форменная фуражка красит своего хозяина’).

Следовательно, форменная одежда концептуально ассоциируется исключительно с мужской частью арабского общества. Более того, для формирования семантики ФЕ концептуально значимыми становятся также два взаимосвязанных прагматических компонента. Первый из них – социально-статусный (служба в армии одобряется обществом, что повышает социальный статус именуемого человека). Второй из них – социально-психологический (форменная одежда большинством населения оценивается эстетически позитивно, и данный компонент распространяется на человека в форме); ср. в русском языке афоризм Прутковва: *Хочешь быть красивым – поступи в гусары*.

Единичными примерами в исследуемой ФСГ представлены ФЕ, в состав которых входят наименования исторических артефактов, происхождение которых не связано с какой-либо территорией и с каким-либо этносом (Европа, Азия, арабский

и не арабский мир). Но данные слова называют головные уборы, строго ограниченные социальным или профессиональным статусом тех, кто их надевает: корона монарха, шлем воина. В основе формирования семантики соответствующих ФЕ лежат социально-прагматические компоненты номинаций артефактов.

Например: *بدا نم تنبل اجاتو بهذ نم لكل مل اجا* – ‘Корона короля – из золота, корона женщины – из скромности’ (корона как символ привилегированного положения, вызывающего почтение, преклонение со стороны окружающих); *يل جو ل خذ* – ‘Вошел (в дом), а на голове шлем (а шлем не снял), т. е. добился своего’ (шлем в этом случае воспринимается как символ воинственности, агрессивности по отношению к окружающим).

Более востребованными при создании ФЕ оказываются наименования заимствованных головных уборов азиатского (но не собственно арабского) происхождения, например турецкого (османского), среднеазиатского – феска; тибетейка. Подобные артефакты достаточно распространены в азиатско-африканском мусульманском мире и не являются экзотизмами для арабского этноса. Так, родиной тибетейки обычно считается Бухара, ее начали носить мусульмане, чтобы не представлять перед Аллахом с непокрытой головой. Именно поэтому концептуально значимыми при мотивации семантики этой части ФСГ «Головные уборы» становится не отношение к самому артефакту (прагматическая зона), а другие (денотативные, сигнификативные, денотативно-прагматические, сигнификативно-прагматические) признаки, связанные, как правило, с внутренней формой всей ФЕ и отраженной в ней ситуации.

Например: *تبوك نم قتيق اطق حل اج جح ل ا* – ‘Когда он говорит правду, то всегда у него тибетейка порвана, т. е. за правду можно и пострадать’; *عيا* – ‘Продавец фесок’.

Как отмечалось, абсолютное членов ЛСГ «Головные уборы» в составе фразеологизмов называет традиционные арабские артефакты, многие из которых носили уже средневековые бедуинско-кочевники, а также те артефакты, что в течение столетий распространены в мусульманском мире Ближнего Востока, Центральной Азии и Северной Африки. Такое положение вполне закономерно, поскольку, по мнению большинства исследователей, арабский литературный язык – это стандарт «высокого» языка, ориентированного на «язык Корана» и отвергающего заимствования как из других языков, так и из современных диалектных разновидностей разговорных диалектных разновидностей арабского языка⁵. Кроме того, идиоматика любого языка отражает материальные феномены традиционной бытовой культуры⁶.

Достаточно показательной является частотность включения в состав арабских ФЕ наименований головных уборов, маркированных по гендерному признаку. Так, наиболее последова-

тельно в исследуемом фразеологическом корпусе фиксируются наименования мужских головных уборов – 43 ФЕ, или около 60% всех единиц ФСГ. Небольшая подгруппа лексем, называющих артефакты без гендерных ограничений, в составе ФЕ (ср.: 5 ФЕ, или около 7% всех единиц ФСГ), как правило, также связана с указанием на мужчину как владельца данного головного убора. Тем самым ЯКМ, отраженная в арабской фразеологии, может быть отнесена к разряду патриархальной – с главенствующей ролью мужчины в жизни общества, причем этот мужчина ориентируется на традиционную систему ценностей (ср. семантику ФЕ с номинацией не традиционного для арабского мира головного убора: *تطين ربل اس بل* – ‘Надеть шляпу’, т. е. «европеиться», стать интеллигентом»; *لدب* – ‘Обменял феску на шляпу’, т. е. «европеился»).

Примечательно, что к одному из самых частотных в арабских ФЕ относится лексема *تمامع* – ‘чалма’, т. е. мусульманский мужской головной убор (обычно у мусульманского духовенства), представляющий собой полотнище легкой ткани, которое обматывается поверх другого головного убора (тибетейки, фески, специальной шапочки). Например: *برعلا ناجيت تمامعلا* – ‘Чалма – корона арабов’.

Достаточно активно используются в составе ФЕ наименования других традиционных арабских головных уборов, преимущественно различного рода платков, полотнищ. Их дифференциация связана с целым комплексом денотативных признаков (размер, цвет, материал, особый способ повязывания (обертывания) головы или другого головного убора и др.), а также функциональных сем (практическое назначение головного убора (защита от солнца, от холода); принадлежность человеку с определенным социальным, профессиональным, сакральным и культово-религиозным статусом; особый тип ситуаций, в которых используется данный артефакт). Такого же рода дифференциация присуща номинациям различного рода шапок, фиксируемых в составе ФЕ. Например:

- *تديش كل ا* – ‘мужской головной платок, представляющий собой кусок желтой ткани, обернутый вокруг головы’;
- *ناس لي ط* – ‘мужской головной платок, накидываемый поверх чалмы для защиты от солнца’;
- *سيف* – ‘сирийская феска; сужающаяся кверху фетровая или суконная шапочка без полей и околыша, с кисточкой наверху’;
- *غامش* – ‘куфия; мужской головной платок, который носится с обручем черного цвета – угалем и служит для защиты головы и лица от солнца, песка и холода (наиболее известен палестинский (клетчатый) вариант куфии – арафатка)’;
- *تيف اص رلا* – ‘головной платок из шелка, который один или несколько раз обертывается вокруг головы’;
- *تقيق اط* – ‘теплый мягкий мужской (и детский) головной убор’.

Члены подгруппы «Женские головные уборы» реже включаются в состав арабской идиоматики (в широком смысле слова) – 24 ФЕ, или 33% единиц ФСГ, причем все они называют традиционные артефакты – обобщенные или наименования головных платков. Среди дифференцирующих компонентов в семантике данных единиц выделяются различные денотативные и прагматически-функциональные признаки: материал, расцветка, специальные аксессуары, покрой, степень закрытости лица и фигуры женщины, тип ситуаций, в которых используется артефакт. Например:

- سباقون – ‘покрывало; женский головной платок, обычно черного цвета, закрывающий лицо – с узкой прорезью для глаз’;
- باجح – ‘хиджаб; традиционный женский головной убор, состоящий из двух частей ткани и полностью закрывающий волосы’;
- رامخ – ‘химар; платок, которым женщины прикрывают голову, плечи и переднюю часть груди’;
- سورعلا توركتم – ‘часть (кусок) платка или отдельные куски платков, с помощью которых женщина обертывает голову, закрывая волосы’;
- تهرط – ‘женский свадебный платок, легкое покрывало, с помощью которого женщина закрывает голову, лицо и верх спины’;
- قميوب – ‘черный платок, собранный наверху и закрывающий верхнюю часть головы женщины’;
- تياقولا – ‘женский головной платок, кусок ткани, который надевается под черный платок’.

Семантика соответствующих фразеологических единиц в разной степени связана со значением лексем, называющих традиционные мужские и женские арабские головные уборы.

Во-первых, во фразеосочетаниях (или колляциях, т. е. в «слабоидиомативных фразеологизмах»⁷) данные лексемы выступают в своем прямом значении, а соответствующие ФЕ выполняют номинативную функцию. Чаще всего это терминологическое обозначение какого-либо головного убора, в котором (за счет семантики другого компонента фразеологизма) дифференцируются тип артефакта, его функция, а также действия, связанные с его использованием. Например: سورعلا توركتم – ‘Головной платок (макорона) невесты’; تدرولا ما قطوف – ‘Платок с цветочками (розами)’; منمنل ما قطوف – ‘Платок с бусинками’; يريمشك لاش – ‘Кашемировая шаль (головной платок)’.

Подобные ФЕ достаточно регулярно фиксируются в исследуемом фразеологическом корпусе, но они все же занимают периферийную позицию в концептуализации членов ФСГ, поскольку главный компонент в них употреблен в своем прямом значении.

Во-вторых, в абсолютном большинстве идиом и паремий члены ЛСГ «Головные уборы» регулярно ассоциируются с определенным социально-культурным, гендерным, возрастным

статусом, имущественным положением их владельца, с выражением отношения к номинанту, т. е. с различного рода культурно-историческими и этикетными функциями, закрепленными, согласно арабской ЯКМ, за данной разновидностью одежды. В данном случае мотивация семантики ФЕ, как и во многих многозначных лексемах, совмещает синекдоху, метонимическое расширение и отчасти метафору, ориентированную на предметную символизацию⁸. Как и в лексико-семантической системе языка в целом, социально-статусные, возрастные и другие характеристики обычно совмещаются с морально-нравственными признаками, формируемыми на базе социально-этических стереотипов.

В частности, указание на то, что молодой человек получил право носить чалму, тюбетейку, свидетельствует о его совершеннолетию, но стать взрослым значит еще и вести себя как настоящий мужчина (блности честь, не избегать ответственности и т. п.). Например: لاجرل ارجتعا – ‘Мужчина надел чалму, т. е. юноша стал мужчиной’; لك وم – ‘Тот, кто носит чалму, мужчина’; لاقعلا طبض – ‘Повязал угал (мужской головной убор), т. е. стал настоящим мужчиной’; والكل اسبل – ‘Надевай клав (мужской головной убор), т. е. будь мужчиной, не теряя своего достоинства’; اول لاجرل انيب هتامع – ‘Его чалма – знак мужественности, социального и нравственного превосходства над другими мужчинами’; قف يفتختل اذه سبل او كباي ايت علخا – ‘Сними свою (прежнюю) одежду и надевай тюбетейку, т. е. становись мужчиной’.

Если внутренняя форма ФЕ описывает женские головные уборы, то в этом случае на первый план выходит характеристика именно возраста (и семейного положения) женщины. Большую роль здесь играют денотативные компоненты в семантической структуре членов исследуемой ЛСГ (особый крой, цвет, длина платка, покрывала и т. п.). Например: سباقنل منا – ‘Это точно никаб (женский головной убор с прорезью для глаз), т. е. этот точно молодая девушка, если на ней не сплошное, а с прорезью для глаз покрывало’; دارملل رامخلا – ‘Химар (женский головной убор) для женщин, т. е. женщина стала взрослой, совершеннолетней, если получила право надеть этот убор’.

Денотативные компоненты значений в наименованиях мужских головных уборов (вид артефакта, его фасон, размер, крой и цвет) регулярно становятся основой для формирования семантики ФЕ, в которых человек характеризуется по социально-профессиональному, имущественному и религиозно-культурному признакам. Например: شوبرطلا سبل – ‘Носить феску, т. е. быть чиновником’; رمحال اغامش يلا – ‘Красный яшмак (мужской головной платок (о чиновнике))’; تل يوط قوسنلق – ‘Высокая шапка (о человеке с высоким социальным статусом)’; فيند نودب يضاقل لشم – ‘Как судья без динея (специального головного убора)’; قهذم يشو قمامع – ‘Чалма, украшенная золотом (об

уважаемом человеке; о человеке с высоким социальным положением»; قرزالا غامش يلا – ‘Синий яшмак (о человеке с достатком)’.

Цветовая символика головного убора – характерная черта арабского менталитета, причем один и тот же цвет мужской и женской одежды может ассоциироваться с различными социально-возрастными и личностными характеристиками владельца артефакта. Так, черные одеяния у женщин являются свидетельством, с одной стороны, ее зрелого возраста и замужнего положения, а с другой – ее скромности, стремления скрыть внешнюю привлекательность. Черный цвет мужской одежды – это знак мужественности, воинственности, жадности крови, готовности жертвовать собой во имя религиозной идеи. Например: – رام خالا – ‘Черный химар (о замужней женщине)’; – دوسالا رام خالا – ‘Истинная красота женщины в черном никабе, т. е. в головном уборе, максимально скрывающем внешность женщины’; – ادوسالا قوسن لقلابا احصا – ‘Словно черная феска (о бесстрашии, твердости характера)’.

В целом головной убор – обязательная часть традиционной арабской одежды. Например: رخف – ‘Чалма – гордость арабов’. Подобное концептуальное отношение к этому виду артефактов имеет, безусловно, этикетную, этико-культурную природу: с непокрытой головой человек (и не только женщина) не должен появляться на людях, молиться и т. д. Но в подобном отношении к головным уборам большую роль со стороны носителей арабского языка играют геоклиматические факторы: жара и беспощадные солнечные лучи днем, холод ночью, жестокие песчаные бури делают этот вид одежды абсолютно необходимым для кочующих в пустыне бедуинов. Например: تيبثا – ‘Удержите угал (мужской головной убор), о, арабы!; т. е. берегите свою честь’.

Вследствие этого семантика многих членов ФСГ «Головные уборы» формируется на базе прагматических (этикетно-символических) компонентов, непосредственно связанных с целой системой денотативных признаков. На первый план здесь выходят морально-нравственные аспекты и поведенческие характеристики человека.

Так, тщательность, аккуратность, с которой человек надевает и носит головной убор, свидетельствует о его высоких морально-нравственных, этических принципах. Если же головной убор грязный, неаккуратно завязан, то это становится свидетельством безнравственности, утраты чести, высокого социального статуса и т. п. В максимальной степени подобные личностные характеристики выражены тогда, когда во внутренней форме ФЕ есть указание на человека (и мужчину, и женщину) с непокрытой головой (головной убор падает с головы, теряется и т. п.). Например: امنك – ‘Как будто вылез угал (о поведении, не достойном настоящего мужчины)’; لقتال – ‘Не скажи девушке, что ее платок грязный (не оскорбляй девушку)’; ني

– ‘Ее сглазили, и ее платок улетел (о потере чести)’; يسار نم صن ربل اطقس – ‘С моей головы спал капюшон (бурнус), т. е. я повел себя бесчестно, потерял честь’; نبرض بلو – ‘И пусть прикрывают химарами (женскими головными уборами) вырез на груди (о женской скромности)’; ممئامع اوس بل اذا – ‘Когда надевают чалму, то заматывают ее; т. е. если ты мужчина, то будь мужчиной во всем и до конца’.

Символическое отождествление человека и его головного убора может распространяться как на социально-профессиональную, культовую, имущественную, морально-нравственную, так и эстетическую сферу. Например: يف لجرلا لامج – ‘Красота мужчины в его тайласане (большом головном платке)’.

Вместе с тем в арабской фразеологии фиксируется и ироническое отношение к подобному отождествлению головного убора и его владельца. В этом случае головной убор ассоциируется с внешней формой, которая может быть противопоставлена сущности человека, его личностным характеристикам, социальному, имущественному статусу и т. д. Например: قامعلا سبل نم لك وم – ‘Не каждый, кто надевает чалму, может считаться настоящим мужчиной’; لك سيل – ‘Не каждый, кто надевает белую чалму, становится муллоу’; عقرى فلاب – ‘Это все он, хотя и прикрыл голову тысячу покрывал (платков)’; قفص ففصم مئامعلا – ‘Чалмы расположены по порядку, а карманы пустые’; يناتللك ققن حمل اتسبل نم لك وم – ‘Не всякий из тех, кто надевает головной платок ал-миджнага, может сказать: «Я свободен»’.

Таким образом, в формировании семантики арабской фразеосемантической группы «Головные уборы» отражаются по преимуществу базовые социально-нравственные принципы традиционной языковой картины мира носителей данного языка.

Примечания

- 1 См.: Архангельский В. Устойчивые фразы в современном русском языке. Опыт теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов н/Д, 1964; Кунин А. Фразеология современного английского языка. М., 1972; Савенкова Л. Русская паремиялогия: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов н/Д, 2002; Семенов Н. Русская пословица как объект лингвокультурологического анализа // Фразеология 2000: материалы Всерос. науч. конф. «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы». Тула, 2000. С. 101–103; Шанский Н. Фразеология современного русского языка. М., 1985.
- 2 Алефиренко Н. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М., 2008. С. 79.
- 3 Баранов А., Добровольский Д. Аспекты теории фразеологии. М., 2008. С. 213.
- 4 См.: Воркачев С. Идея справедливости в русских паремиях: сила не в силе, а в правде // Язык и ментальность:

- сб. ст. Вып. 5. СПб., 2010. С. 20–28 ; *Зеленкина О.* Состав фразеологического кода английского языка (на материале номинативных и номинативно-коммуникативных фразеологических единиц) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2001 ; *Малюгина А.* Типы фразеологических концептов и способы их контекстной репрезентации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2007 ; *Новосельцева В.* Концептуализация времени в русской фразеологии и художественных текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005 ; *Рудакова А.* Объективация концепта «быт» в лексико-фразеологической системе русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003 ; *Селиванова Е.* Загадка как когнитивно-семиотический феномен в парадигмальном пространстве современной лингвистики // *Язык и ментальность.* Вып. 5. С. 93–103.
- ⁵ См.: *Аль Муфаддаль бин Мухаммад аль-Даббий.* Арабские пословицы. Бейрут–Ливан, 1981 (لضفملا)

شوريب _ يببر على ادائر ل اراد بر على الاشما) يبضل ادم ح نبا
قال خال او بدال ا يف الففال اديص) 1981 ن ان ببل
نم يل ا ب اشاكل اراد . يدمل ادم ح نبا نيس ح . (ل اشما ل او مك ح ل او
2009).

- ⁶ См.: *Борщева О.* Концептуальное поле «ТРУД» сквозь призму идиоматики (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2012 ; *Вельмезова Е.* Семантика чешских фразеологизмов со значением ‘избавляться от’ в контексте мифопоэтической картины мира // *Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках* : сб. ст. / под ред. В. Н. Телия. М., 2004. С. 147–150.
- ⁷ *Баранов А., Добровольский Д.* Указ. соч. С. 67.
- ⁸ См.: *Балашова Л.* Русская метафора : прошлое, настоящее, будущее. М., 2014 ; *Она же.* Русская метафорическая система в развитии : XI–XXI вв. М., 2014.

УДК 81'282'374.2

ЛЕКСОРАСКАЗ КАК ФОРМА ПОДАЧИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ

О. Г. Борисова

Кубанский государственный университет, Краснодар
E-mail: leliastom@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные для современной лексикографии вопросы о выборе структурной организации оправдательных примеров. На конкретном лексикографическом материале демонстрируется преимущество такой формы подачи иллюстраций, как лексорассказ, и формулируются принципы его выделения из макрорассказа диалектоносителя.

Ключевые слова: лексикографическое произведение, иллюстративная зона словаря, лемма, лексорассказ, антропоцентрический подход в лексикографии.

Lexostory as a Form of Providing Illustrative Material in a Dialect Dictionary

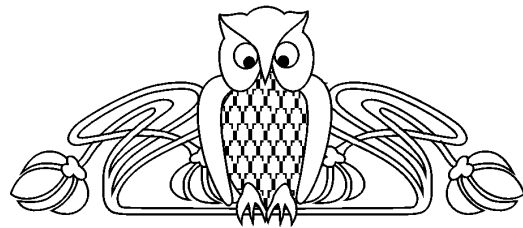
O. G. Borisova

The article considers relevant issues of modern lexicography concerning the choice of the structural organization of acquittals. The advantages of such form of illustration delivery as a lexostory are shown on specific lexicographic material, and the principles of singling it out in a macro-tale of a dialect speaker are defined.

Key words: lexicographic product, an illustrative part of a dictionary, lemma, lexostory, anthropocentric approach to lexicography.

DOI: 10.18500/1817-7115-2015-15-3-42-46

Пробуждающийся в обществе неподдельный интерес к своим историческим корням, к народному слову ставит перед составителями региональных словарей актуальную задачу – создавать лексикографические источники, в которых, кроме толкования лексических единиц и разнообразной

лингвистической информации о них, содержатся также определённые сведения о носителях языка. Такой диалектный словарь соответствует важному требованию современной лексикографии – отражать жизнь слова и жизнь человека в слове. В процессе составления полисистемного Словаря кубанских говоров, включающего лексику и фразеологию кубанских говоров с украинской и южнорусской языковой основой, мы исходили из того, что словарь – это не только лексикографически обработанный диалектный материал, но и лексикографическое произведение, в иллюстративной зоне которого воссоздаются историческое прошлое и настоящее Кубани, отображаются природа края, материальная и духовная культура его коренных жителей, прослеживаются судьбы конкретных диалектоносителей, их мировидение. В этой связи вопросы, касающиеся принципов создания иллюстративной зоны словаря и способов презентации оправдательных примеров, являются весьма существенными. Полагаем, что избранному нами антропоцентрическому подходу в полной мере соответствует такая форма подачи иллюстративного материала, как микротекст, представляющий собой лексорассказ, содержание которого направлено на семантизацию, лингвистическую и экстралингвистическую презентацию входящей в него лексикографируемой лексической единицы, а также на создание общего этнокультурного фона словарной статьи. Предлагаемый термин «лексорассказ» обладает прозрачной внутренней формой – буквально рассказ, ключевой в кото-